

Катерина Спарнс
Пламя вечности

«Автор»

2026

Спарнс К.

Пламя вечности / К. Спарнс — «Автор», 2026

Энергетика XXIII века строится на использовании солнечной плазмы. Станция «Гелиос», космическая лаборатория, рутинно тестирует плазму перед отправкой на Землю. Пока не получает образцы, результаты исследования которых оказываются более чем странными. Что стало причиной сбоя в работе оборудования? Почему высокотехнологичный пластик рассыпался в пыль за пару часов? Что погубило растения и животных на станции? Команде предстоит разобраться в природе загадочного явления, прежде чем ситуация выйдет из-под контроля. Цена ошибки — катастрофа.

© Спарнс К., 2026

© Автор, 2026

Катерина Спарнс Пламя вечности

1.

Если бы командир космической станции «Гелиос» не проходил очередной тест на состояние здоровья накануне, он мог бы решить, что происходящее ему снится.

Но нет, он не спал и вполне прилично отдохнул перед тем, как выйти на дежурство помощником лаборанта. Формально он в этой миссии был главным, но фактически, переступая порог лаборатории, превращался в правую руку и подчинённого своего коллеги на десяток лет моложе. Такой вот менеджмент двадцать третьего века.

Обстановка казалась обычной: станция вращалась, гравитация поддерживалась, приборы исправно работали. Плазма в магнитной ловушке выглядела так, как и должна выглядеть солнечная плазма с преимущественным содержанием гелия – ярким оранжевым облачком внутри вакуумной камеры из термостойкого стекла. Они с лаборантом смотрели на неё через защитный экран и вдобавок защитные очки, но цвет все равно был понятен. От колбы доносился слабый гул, почти сливающийся с фоновым гудением станции.

Необычными были результаты тестов этого образца. Более чем странными.

Двое испытателей смотрели на цифры, которые продолжали выводиться на защитный экран, по совместительству лабораторный монитор. Почти все они были отмечены красным цветом, означающим, что параметр вне допуска.

— Ты когда-нибудь видел такое? – командир все-таки задал этот вопрос. Лаборант, который деловито уточнял измерительный отчёт, управляя экраном обеими руками, становился все более озадаченным.

— Спектрометрию – переделаем, — отозвался тот. Языком общения на станции был русский, и лаборант-кореец, знавший его прекрасно, от акцента так и не избавился. Особенно сложно давались ему мягкие согласные. – Оценку теплового потока тоже... Структуру магнитного поля. Гамма-излучение. Пока достаточно.

— А ты понимаешь, что произошло? У нас хоть что-нибудь в норме? – командир, хотя знал стандартные тесты и мог бы самостоятельно дать системе задание по замерам, не особо разбирался в смысле всех этих характеристик. В отличие от лаборанта, который как раз был специалистом по солнечной плазме, понимал закономерности и всю глубину цифр на экране. Но его этому шесть лет в университете учили.

— У нас, похоже, какой-то сбой в работе оборудования, — руки лаборанта продолжали летать перед экраном. – Поэтому я изменю порядок тестов. Может, система увидела отклонение в первом и неверно провела остальные. Результаты противоречат друг другу. Плазма вполне обычная. И сопроводительные данные с Зари-М не имеют никаких особых отклонений.

— Ну они же там тестируют весь массив сразу, — задумчиво протянул командир. – И всего ничего характеристик снимают.

— Да. Но мы сейчас переделаем, я думаю, станет лучше, — и лаборант, как бы резюмируя сказанное, нажал двумя руками на пуск, подтверждение которого высвечивалось по разные стороны экрана, так что испытания нельзя было запустить, случайно задев монитор.

Манипулятор ожил. Но стоило только ему приступить к первому тесту, как раздался громкий хлопок, и на мгновение лаборатория погрузилась в полный мрак, в котором светилось только оранжевое плазменное облако. «Колба», — подумал командир, чувствуя, как все внутри замирает. Но в следующее мгновение загудели резервные аккумуляторы, и стало видно, что раскаленное облако по-прежнему в стекле и в магнитной ловушке, и адреналин начал понемногу отпускать, оставляя ватную расслабленность. Манипулятор больше не двигался.

Теперь уже командир принялся набирать на экране комбинации, призванные протестировать оборудование. В технике он разбирался лучше лаборанта.

— Похоже, Джунхо, на сегодня у нас с тестами перерыв. И внеплановый техосмотр. Надо Лену звать.

Тот огорченно вздохнул.

— Ведь только начали. Что же случилось?

— Вот и выясним, — ответил командир. И Бог с ним, с опозданием в тестах, он втайне очень радовался, что странное происшествие, хоть и вывело из строя манипулятор, похоже, не возымело фатальных последствий. Система согласилась отправить плазму в хранилище, что и было немедленно и четко проделано. — Перекур, Джунхо.

Лена - Елена Волкова, бортинженер, миниатюрная блондинка лет сорока, выбралась через камеру очистки из зоны испытаний, где с час корпела над манипулятором, отстегнула шлем защитного скафандра и бросила на лабораторный стол пучок проводов с пластиковыми фиксаторами. Командир и Джунхо все это время так и провели в лаборатории, наблюдая за ее работой. Но все, что они слышали от нее до сих пор – междометия, иногда деликатные ругательства, иногда какие-то очень странные мысли вслух, из которых невозможно было что-то понять.

Теперь они оба склонились над столом. Хотя провода тоже побывали в камере очистки, дотрагиваться до них голыми руками не следовало.

Но и так было понятно, почему Лена решила их продемонстрировать. Они выглядели так, словно были сняты не с высокотехнологичного оборудования двадцать третьего века, а со старого автомобиля из века двадцать первого, если не двадцатого. Такого, который ещё не прошел реставрацию. Фиксаторы потеряли цвет и растрескались, оплетка местами истерлась, превратившись в труху, и по большей части отвалилась совсем.

— Вот потому и замкнуло, — прокомментировала Елена. — Хорошо совсем не сгорел. Там пыли этой пластиковой насыпало мама не горюй.

— Ничего не понимаю, — признался командир, — они обгорели, что ли?

— Обгорели они уже потом. А вначале что-то с пластиком случилось. Что у вас там за испытания были? Утечки плазмы не могло произойти?

— Нет, Лена, это невозможно, — Джунхо энергично помотал головой, отвергая предположение. — Плазма разнесла бы тут все, а не только проводки, поверь мне.

— Наверное, — бортинженер пожала плечами. — Но я иначе не знаю, как это объяснить. Этот пластик выглядит так, как будто ему пара веков.

— Как такое может быть?.. - пробормотал Джунхо.

— А какие у нас перспективы по ремонту? – спросил командир.

— Ну, если использовать стандартные запчасти, то в них недостатка нет, это быстро. Но чего-то у меня опасения, что все закончится вот так же. А если коротнет посильнее и магнитная ловушка отключится, сами понимаете, что будет. Поэтому, Алексей, предлагаю немножко подождать, и я поменяю все за экраном на материалы, устойчивые к старению.

Последняя фраза прозвучала в ее устах непринужденно, и было очень понятно, что Елена имеет в виду. Но двойной смысл сказанного пришел им в головы в тот же миг, хотя никто не стал развивать эту тему.

2.

Следующее утро наступило для командира раньше обыкновенного. Он проснулся в своей каюте, как всегда, от имитированного дневного света, который постепенно прибавлялся, но, взглянув на часы, обнаружил, что ещё только середина ночи.

— Алексей, коллеги очень хотят видеть вас в лаборатории, — негромко сообщил голосовой ассистент.

Быстро одевшись, Алексей побежал в лабораторию и столкнулся по пути с врачом, которая спешила в том же направлении. Похолодел.

— Зумрат, они и тебя вызвали? Что там случилось?

— Не знаю, Лёш, — молодая иранка выглядела растерянной и невыспавшейся. — Синзар просто сказал, что коллеги просят прийти. Я ещё уточнила, что с собой брать, сказал, ничего не нужно. Но я все-таки сумку с медикаментами захватила.

Они почти бегом влетели в лабораторию. Помещение было сравнительно большим, но сейчас казалось тесным, потому что здесь собрался весь экипаж, чего прежде, наверное, не случилось.

Когда командир появился на пороге, все обернулись к нему.

— Что произошло? — выпалил он.

Напротив защитного экрана стояли двое лаборантов, одетые по полной форме — Джунхо и его коллега-ровесник, Максим Аверкиев. Видимо, в эту смену они работали вдвоем, что было нарушением протокола. Кроме них в облачении для исследовательских работ здесь стоял также пилот станции, Дмитрий Бородин. Елена выглядела, как Алексей и Зумрат, только что проснувшейся, непричесанной и одетой в халат поверх короткой пижамы.

За спинами лаборантов мирно светилась колба с солнечной плазмой.

— Коллеги! — звенящим от волнения голосом сказал Максим. — Мы очень извиняемся, что пришлось вас разбудить среди ночи. Но мы решили, что дело безотлагательное, а график у нас всех разный, поэтому кому-то в любом случае не удалось бы выспаться, даже если бы мы передвинули собрание на утро...

— Максим, короче давай, — прорычал Алексей. — И как, интересно, мы смены ваши восстановим, если вы эту вместе провели?

— Джунхо мы разбудили, когда у нас подозрения возникли, — встрял пилот. — А когда все подтвердилось, попросили вас разбудить.

— Что подтвердилось? Рассказывайте уже.

Лаборанты переглянулись.

— Ну, если совсем вкратце... — опять заговорил Максим, — то вот эта вот плазма меняет вокруг себя ход времени.

Следующие полминуты в лаборатории стояла тишина, нарушаемая только безмятежным потрескиванием плазмы в ловушке.

Алексей понял, что все снова смотрят на него.

— Поясни, Максим, — вздохнул он, хотя было желание выразиться более ёмко.

Лаборанты засуетились.

— Сейчас мы объясним подробнее! — воскликнул Джунхо, и они, обернувшись к экрану, начали, перебивая и дополняя друг друга, пересказывать результаты опытов, из которых становилось понятно, что этот образец плазмы продолжает вести себя нетипично, и вдобавок искажает показания атомных часов, установленных рядом с колбой, относительно часов в другом конце лаборатории. Все звучало фантастически, зато в эту канву укладывался резкий выход из строя всех пластиковых элементов оборудования.

— Ребят, вы уверены? — осторожно переспросил командир. Может, ещё раз опыты переделать?

— Мы ключевые несколько раз переделали. Мы бы вас не разбудили, если бы у самих подозрения остались.

— А образец один рассматривали?

— Нет, три, которые были маркированы одной зоной добычи. Одинаковые результаты у них, в том-то и дело. А ещё два опробовали из двух других зон, и вот они нормальные, стандартная плазма.

— Это сколько же времени вы тут провели?..

— Много, — признался Максим. — Но мы когда нащупали закономерность, уже начали прицельно проверять, поэтому сделали все быстро. Заря-М прислал в последний раз девять образцов, по три из трех зон. И только одна зона аномальная. Короче, соратники, наш вывод, что солнечная плазма – это жидкое время. Предлагаю назвать хроноплазма, как вам?

Алексей поморщился.

— Да какая хроноплазма? Как такое вообще возможно?

— А я всегда чего-то подобного и ожидала, — вдруг тихо произнесла Зумрат, и все воззрились на нее. Она пожала плечами.

— Ну, мы не так много знаем о звездах. А они такие громадные. Может, они вообще разумные. Вам никогда такое в голову не приходило?.. Но то, что они время регулируют - а почему бы и нет? Мы ведь далеко не все ещё знаем о вселенной.

Елена, слушая ее, кивала.

— Поддерживаю. Хотя поверить сложно и мне тоже. Особенно спросонья.

— Сообщим на Землю? – с воодушевлением спросил Максим.

Формально вопрос был риторическим – станция должна была рапортовать руководству обо всём без исключения. Бортовой искусственный интеллект, Синзар, Самообразовывающаяся Исследовательская Нейросеть Заря Автоматизация Россия, совершенно точно уже протоколировал все результаты исследований и был готов отослать их в любую минуту. Но нет, такой отчёт нельзя доверять ИИ, каким бы умным тот ни был. Надо руку приложить и пояснить по-человечески, а то решат ещё, что экипаж в полном составе сошел с ума.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.